

**АРМЯНСКАЯ ТЕМА В РАССКАЗЕ
С. ДОВЛАТОВА «КОГДА-ТО МЫ ЖИЛИ В ГОРАХ» И
СПЕЦИФИКА АВТОРСКОГО СТИЛЯ**

*Эгине Саакян
Женя Матинян*

DOI: <https://doi.org/10.58726/langlit-114-126>

Ключевые слова: жанр литературного анекдота, армянское происхождение, армянские традиции и реалии, Довлатов-рассказчик, Довлатов-писатель

Рассказ С. Довлатова «Когда-то мы жили в горах» уникально по своей природе. В прозе и публицистике С. Довлатов создал собственный творческий метод и даже жанр – литературный анекдот.

О своей жизни и судьбе автор писал так: «Я родился в не очень-то дружной семье. Посредственно учился в школе. Был отчислен из университета. Служил три года в лагерной охране. Писал рассказы, которые не мог опубликовать. Был вынужден покинуть родину. В Америке я так и не стал богатым или преуспевающим человеком. Мои дети неохотно говорят по-русски. Я неохотно говорю по-английски. В моем родном Ленинграде построили дамбу. В моем любимом Таллине происходит непонятно что. Жизнь коротка. Человек одинок. Надеюсь, все это достаточно грустно, чтобы я мог продолжать заниматься литературой...» [9].

Биография писателя, жизненные трудности нашли отражение в его творчестве. На протяжении всей жизни Довлатова журналистика и литература шли бок о бок. Писатель привнес много литературы в публицистику. И теперь невозможно представить Довлатова-журналиста без Довлатова-писателя, и – наоборот.

Новаторство С. Довлатова проявилось в созданном им жанре литературного анекдота, в котором писатель превращается в рассказчика. «Довлатов первым разглядел произведение искусства в бытовом (литературном) анекдоте – и стал писателем. И стал

основоположником жанра. И дальнейший (увы, безрадостный) расцвет этого жанра, равно как и тот неоспоримый факт, что бесчисленные подделки под Довлатова не дотягивают до оригинала, доказывают, что писателем он стал хорошим», – вспоминает Виктор Топоров [10].

До С. Довлатова не находилось в литературе автора, который сумел бы вести такой непринужденный диалог с читателем. Ситуации в произведениях изложены с неповторимой иронией в адрес времени и современного общества и удивительной доступностью для аудитории.

Герои его произведений были нам знакомы, словно Довлатов описывает не своего соседа, друга, родственника и коллегу, а какого-нибудь нашего соседа, нашего друга, родственника и коллегу, слова и мысли, высказанные рассказчиком, перекликались с нашими собственными, а поступки – воспринимались нами с сочувствием и пониманием. Объясняется это просто: Довлатов писал не только о себе, но о людях своего времени. Да, где-то приукрасил, но суть того поколения и дух времени остались нетронуты. Л. Лосев писал: «Есть такое английское выражение «larger than life», «крупнее, чем в жизни». Люди, их слова и поступки в рассказе Довлатова становились «larger than life», живее, чем в жизни» [7].

Довлатов был настоящим мастером слова, ошибочно думать, что свои статьи и рассказы он писал, запросто пересказывая реальность. Каждое слово былого выверено, каждое – занимало свое место в произведении, каждая деталь – необходима. Как отмечал Л. Лосев: «Лучшие слова в лучшем порядке» – это проза, это довлатовское искусство рассказа. Довлатов был абсолютно профессиональный литератор, то есть он знал, как мучительно добываются лучшие слова и каких трудов стоит найти для них лучший порядок» [7].

Отдельно стоит сказать и о стиле Довлатова. То, что он был великолепным стилистом, бесспорно. Это читается в его рассказах, в журналистских произведениях – он повествует, обращаясь не в «пустоту» аудитории, а к читателю, к одному конкретному человеку, в чьих руках его книга. И все в этой книге будто подобрано

для всех и каждого – ритм речи, художественные обороты, юмор, сами ситуации и герои. И уже нет пространства между автором и читателем, нет границ – есть только речь рассказчика, повествующего доверительно и прямо. Одним из первых особенность стиля Довлатова заметил его друг и замечательный поэт Иосиф Бродский: «Сереза был прежде всего замечательным стилистом. Рассказы его держатся более всего на ритме фразы; на каденции авторской речи. Они написаны как стихотворения: сюжет в них имеет значение второстепенное, он только повод для речи. Это скорее пение, чем повествование, и возможность собеседника для человека с таким голосом и слухом, возможность дуэта – большая редкость» [2].

Вместе с таким огромным талантом писателю была присуща скромность настоящего интеллигента-армянина: он не решается назвать себя писателем: «Не думайте, что я кокетничаю, но я не уверен, что считаю себя писателем. Я хотел бы считать себя рассказчиком. Это не одно и то же. Писатель занят серьезными проблемами – он пишет о том, во имя чего живут люди, как должны жить люди. А рассказчик пишет о том, как живут люди. Мне кажется, у Чехова всю жизнь была проблема, кто он: рассказчик или писатель? Во времена Чехова еще существовала эта грань» [1, 387-394].

В интервью он также скептически отзывается о своей популярности за границей, поскольку нельзя в его понимании считать это известностью. Довлатов уточняет: «Мой случай, если вы согласны называть его успехом, по-английски называется «критикалэкэйм» – замечен критикой. Действительно, было много положительных рецензий» [1, 387-394].

Параллельно с всеобщим признанием, произведения С. Довлатова не публиковались, хотя распространялись самиздатовским принципом. В последствии С. Довлатов признавался, что мечтал, чтобы его опубликовали хоть где-то. Но этого не происходило: за короткий отрезок времени он получил около ста отказов. С. Довлатова не печатали в СССР, но он не был антисоветским писателем. Он недоумевал, по какой причине его не хотят публиковать. Наконец, он нашел ответ: «Я не был антисоветским писателем, и все

же меня не публиковали. Я все думал –почему? И, наконец, понял. Того, о чем я пишу, не существует.То есть в жизни оно, конечно, имеется.А в литературе не существует. Власти притворяются, что этой жизни нет» [5, 367-378].

С. Довлатов всю жизнь страдал именно от отсутствия возможности писать честно, открыто, так сказать, не халтура. В СССР это было совершенно невозможно: каждое слово взвешивалось на предмет соответствия идеологии. Этой проверки и не прошли произведения писателя. И после провала в Эстонской ССР писатель решается на эмиграцию. Да и выбора у него не оставалось. Разумеется, Довлатов никогда не был антисоветским писателем, хотя ныне это с охотой ему приписывают. Николай Коняев довольно точно излагает проблему, с которой столкнулся Довлатов, живя и работая в СССР: «Он пытался вписаться в советскую действительность, работал в советских газетах, журналах, пытался издавать книги. Не его вина в том, что ему не удалось этого сделать. Советская действительность отторгала все, что не вписывается в параметры, которые были определены идеологией и практикой советской системы» [5].

Так советская действительность отторгла и его. Касательно Довлатова про идеологию говорить было бессмысленно. Это и стало мешать свободному творческому процессу. Когда в Таллинне в очередной раз получен отказ в издании книги, автор понимает, что это тревожный звонок. На нее он возлагал немалую надежду, и тут – провал. Довлатов писал об этом в «Невидимой книге» как он ждал сигнального экземпляра, но ему неожиданно сообщили, что книжка запрещена. Послечего оставаться в Таллинне было бессмысленно. И в 1975 году писатель возвращается в Ленинград, где продолжает работу в журнале «Костер», однако Довлатова не публикуют. В этот же период в западных журналах «Континент» и «Время и мы» появляются первые довлатовские рассказы. Не заставляет себя ждать реакция советской власти. И уже в 1976 году Довлатов эмигрирует в США – с одним полупустым чемоданом, в котором помещалась вся его прошлая жизнь, все им нажитое: «Сверху лежал приличный

двубортный костюм. В расчете на интервью, симпозиумы, лекции, торжественные приемы. Полагаю, он сгодился бы и для нобелевской церемонии. Дальше – поплиновая рубашка и туфли, завернутые в бумагу. Под ними – вельветовая куртка на искусственном меху. Слева – зимняя шапка из фальшивого котика. Три пары финских креповых носков. Шоферские перчатки. И наконец – кожаный офицерский ремень. На дне чемодана лежала страница «Правды» за май восьмидесятого года. Крупный заголовок гласил: «Великому учению – жить!» В центре – портрет Карла Маркса. Школьником я любил рисовать вождей мирового пролетариата. И особенно – Маркса. Обыкновенную кляксу размазал – уже похоже... Я оглядел пустой чемодан. На дне – Карл Маркс. На крышке – Бродский. А между ними – пропащая, бесценная, единственная жизнь» [3, 94-95].

С Довлатова часто называют «обычным большим русским писателем», хотя отец Довлатова был евреем, а мать – тифлисской армянкой. Еще более интересно то, что сам Довлатов никогда не придавал значения фамилии. В известном интервью В. Ерофееву С. Довлатов сказал: «Знаю, что это кому-то кажется страшным позором, но у меня никогда не было ощущения, что я принадлежу к какой-то национальности. Я не говорю по-армянски. С другой стороны, по-еврейски я тоже не говорю, в еврейской среде не чувствую себя своим, И до последнего времени на беды армян смотрел как на беды в жизни любого другого народа – индийского, китайского... Но вот недавно на одной литературной конференции познакомился с Грантом Матевосяном. Он на меня совсем не похож – он настоящий армянин, с ума сходит от того, что делается у него на родине. Он такой застенчивый, искренний, добрый, абсолютно ангелоподобный человек, что, подружившись с ним, я стал смотреть как бы его глазами. Когда я читаю об армянских событиях, я представляю себе, что сейчас испытывает Матевосян. Вот так, через любовь к нему, у меня появились какие-то армянские чувства» [1, 387-394].

Таким образом, С. Довлатов стал интересоваться армянской темой, судьбой армян и Армении. Стал задумываться над написа-

нием произведения об армянах по крови, которые по тем или иным причинам утратили тесную связь со своими Горами. Себя же С. Довлатов стал определять как на треть еврей, на треть – армянин, и на треть – русский.

С. Довлатов скончался в 1990 году в Нью-Йорке. Его похоронили в армянской части еврейского кладбища.

Короткий рассказ С. Довлатова **«Когда-то мы жили в горах»** был опубликован в сатирическом журнале «Крокодил» в 1968 году. В новелле, виртуозно сочетая эпическое и комическое, автор описал эпизод из жизни армянской семьи.

Герои его произведения – армяне, которые живут в современном городе, но с собственными представлениями о мире. Писатель чередует лирические рассуждения о прошлом – жизни в горах – и повествование о нелепом «кооперативном» настоящем.

Иронию начинающего писателя оценили не все – через несколько недель после выхода этого номера С. Довлатова срочно вызвали в Москву. В редакции журналисту показали мешок писем из Армении с возмущенными откликами на рассказ. С. Довлатова обвиняли в незнании обычаев народа и искажении действительности.

Довлатов объяснил, что пытался донести в вызвавшем столько недовольства рассказе, а также обратил внимание на собственное происхождение. Напомним, что мать журналиста Нора Довлатян была армянкой: «В своем рассказе я попытался с иронией изобразить армян, давно живущих вдалеке от Армении, например в Ленинграде, потерявших связи с армянскими традициями. И сохранивших, культивирующих лишь чисто декоративные, экзотические, а в конечном счете ложные представления об обычаях своего народа. Нетрудно догадаться, что многое из того, о чем говорится в рассказе, имеет непосредственное отношение и к его незадачливому автору. Таким образом, большинство упреков, обращенных вами ко мне, уже адресовано мной героям моего рассказа.

– Мы, армяне, можем гордиться своей страной. 2750 лет прошло с тех пор, как на неприступном холме была заложена

крепость Эребуни. Веками создавалась великая армянская культура, складывались традиции и обычаи народа, в тяжелых испытаниях формировался его национальный характер. Всему миру известны имена армян, прославивших свою Родину. Полотна Мартироса Сарьяна, музыка Арама Хачатуряна, книги Мариэтты Шагинян стали достоянием мировой культуры. Гордостью советской науки является Виктор Амбарцумян. Наивно было бы думать, что кому-то по силам очернить армянскую культуру, бросить тень на армянский народ», – написал Довлатов, в заключение поблагодарив за внимание к произведению и дружескую критику [8].

Эмигрировав в 1978 году в США, Сергей Довлатов запретил переиздание всех своих произведений, опубликованных в советской периодике. Однако второй вариант скандальной новеллы позже включил в сборник «Демарш энтузиастов» 1985 года.

Экспозицией рассказа «Когда-то мы жили в горах» служит лирическое вступление, размышление о том, что когда-то мы жили в горах. Это вступление лирично настолько, что в словах автора появляется почти стихотворный ритм. Например: «Эти горы косматыми псами лежали у ног» [3, 66]. Горы становятся живым существом, живущим рядом с человеком и вместе с ним. Также олицетворяется и время, становясь похожим на бесцельно гуляющего человека:

«Когда-то мы жили в горах. Теперь мы населяем кооперативы...» [3, 61].

Экспозиция кончается, и таким переходом автор подводит читателя к центральной части рассказа. Лиризм уступает место эпическому повествованию, настолько серьезно-комичному, что кажется – это реальная история, до предела сдобренная анекдотами. Герой-рассказчик попадает на день рождения к дяде Арменаку, где уже собралась вся многочисленная родня, готовая принять в свои объятия любого. Писатель знакомит нас с историей о том, как дядя Арменак украл свою невесту Сирануш из отцовского дома. В описании Сирануш снова прорывается лиричность: оно похоже своей образностью на древние оды, воспевавшие красоту любимой

женщины. Отец желает Арменаку и Сирануш счастья, но предупреждает, что за молодыми он отправит в погоню своих сыновей. Эта погоня вовсе не похожа на те, о которых мы слышали в кавказских легендах. Отец сам дает беглецам велосипед, а жених просит приглядеть за тем, чтобы погоня выглядела нормально. Сами же братья, от чьих бешеных криков на стенах возникают подпалины, кажется, и впрямь настроены грозно. Но косматые папахи на их беспутных головах гротескно контрастируют с темными костюмами и чистыми сорочками, да и ружье они забыли в такси, так что месть они с удовольствием заменяют на вино и шашлык, и хотя их горские традиции не выглядят нелепо, а лишь вызывают улыбку, они давно лишены смысла.

Рассказчик вдруг вспоминает о том, что дядя Хорен прожил трудную жизнь – на суде над ним «пошутили», вместо десяти суток условно огласив смертный приговор. Рассказчика посылают за водкой, а когда он возвращается, то видит дым, идущий из окна, и дядю Арменака, которого ведут в милицейскую машину. Как выяснилось, он развел костер, растопив его финским гарнитуром и подложив невесть откуда взявшееся в портфеле у дяди Хорена кровельное железо.

Этот рассказ мог бы так и остаться анекдотической историей, если бы не эпилог: «Когда-то мы жили в горах ... мы не разлюбили их. Но эта любовь осталась только в песнях ... Мы обижаем жен и разводим костры на паркете. Но когда-то мы жили в горах!» [3, 66].

Трудно однозначно определить пафос этого произведения – слишком тесно сплелось комическое и трагическое; трудно говорить и о конфликте – конфликт между норами и городом? Между прошлым и будущим? И даже отношение автора к поднятым им философским проблемам неясно, хотя, казалось бы, здесь используется прямой способ выразить авторское отношение – лирические отступления.

Возможно, дело в том, что Довлатов, как он сам признавался, считал себя не писателем, пишущим о том, во имя чего живут люди,

а рассказчиком, пишущем о том, как живут люди, и его рассказ, написанный емким и лаконичным языком, не басня, в конце которой стоит мораль, а баллада.

Рассказчик начинает с ностальгического размышления о прошлом армянского народа, когда они жили в горах, тесно связанными с природой и своими традициями. Он противопоставляет это современной жизни в городах, где армяне, как и он сам, стали частью городской суеты, утратив связь с природой и своими корнями.

Вечность противопоставлена сиюминутности. В рассказе есть время и мифологическое – легендарное прошлое, годы ежовщины в рассказе дяди Хорена, и конкретное, и абсурдное, парадоксальное: «Первый раз тебя вижу, – шагнул ко мне дядя Хорен, – безумно соскучился» [3, 61].

Временные и пространственные отношения в рассказе взаимосвязаны. Например, мифологическое время протекает в горах, а конкретное – биографическое время – в обстановке городской квартиры.

Главный герой любого рассказа Довлатова – он сам. В этом рассказе прототипами героев является армянская родня автора, которая изображается добродушно-иронично.

Драматизм пафоса – «измельчание» народа, скрывается за иронической тональностью рассказа. Но пафос и оптимистичен – это проявляется в последней фразе текста, выражается графически, прописными буквами: «НО КОГДА-ТО МЫ ЖИЛИ В ГОРАХ!» [3, 66].

Рассказ характеризуется сжатостью и емкостью. Автор идет от бытовой зарисовки к философскому обобщению. С. Довлатов отказывается от трагической традиции и утешительного пафоса русской литературы. Это подчеркивается своеобразной тональностью его прозы.

В небольшом рассказе умещается четыре микросюжета:

1. Судьба армянского народа.
2. День рождения дяди Арменака.
3. История женитьбы дяди.
4. Судьба дяди Хорена.

Разнообразны композиционные приемы. Встречается и монтаж: эпизоды выставлены по принципу матрешки, где рассказ о похищении Сирануш и история дяди Хорена монтируются внутри центрального эпизода – дня рождения дяди Арменака, этот эпизод, в свою очередь, обрамляется обобщенно-философическим образом гор. Также читатель обращает внимание на другое противопоставление: обрамляющие эпизоды, главными героями которых являются горы: величественные и в то же время родные, противопоставлены суете жизни современного города.

Композиция рассказа кольцевая: все сюжетные линии сводятся к одной и той же – начальной и финальной фразе: «Когда-то мы жили в горах».

Таким образом, явно прослеживается влияние биографии на становление творческого метода писателя. На творчество С. Довлатова оказали влияние не только перипетия его судьбы, личной жизни и происхождение автора, но и эпоха, в которую он жил и творил.

В определенной мере творчество С. Довлатова отражает искания целого поколения – поколения его сверстников. Этой цели и профессии посвятил всю свою жизнь С. Довлатов.

DOI: <https://doi.org/10.58726/langlit-114-126>

ЛИТЕРАТУРА

1. Дар органического беззлобия интервью Виктору Ерофееву// Сергей Довлатов. Собрание сочинений в 4-х томах. Том 4 / Авторский сборник. – СПб.: «Азбука-классика», 2005. – 480 с. С. 387-394.
2. Бродский И.А. О Сереже Довлатове («Мир уродлив, и люди грустны») // Довлатов С. Собрание сочинений. В 3-х т. СПб., 1993. Т. 3. С.360.
3. Довлатов С. Когда-то мы жили в горах // Собрание сочинений в 4-х томах. Том 1. СПб.: «Азбука-классика», 2005. – 464 с. С. 61-66.
4. Довлатов С. Чемодан: Повести. М.: Московский рабочий, 1991. 335 с. Лосев Л. В. «Русский писатель Довлатов» // Русская мысль, № 3843, 31 августа 1990
5. Как издаваться на Западе? “The Third Wave: Russian Literature in Emigration” AnnArbor, 1984. 367-378 // Сергей Довлатов. Собрание сочинений в 4-х томах. Том 4 / Авторский сборник. – СПб.: «Азбука-классика», 2005. – 480 с.
6. Коняев Н. М. Сергей Довлатов не был антисоветским писателем // Русская народная линия.
7. Лев Лосев. Русский писатель Сергей Довлатов: Газета «Русская мысль» № 3843, 31 августа 1990.
8. Письмо С. Довлатова армянам в номере 33 (1899) за 1968 г. «Крокодила».
9. Правила жизни Сергея Довлатова / Электронный ресурс. Режим доступа: [http: pravilamag.ru/hero/7882-dovlatov/](http://pravilamag.ru/hero/7882-dovlatov/) (Дата обращения: 20.09. 2004).
10. Топоров В. Н. Довлатова обидеть может каждый // Город (№ 36, 2005). С. 162-168.

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ԹԵՄԱՆ Ս. ԴՈՎԼԱԹՈՎԻ
«ՄԻ ԺԱՄԱՆԱԿ ՄԵՆՔ ԱՊՐՈՒՄ ԷԻՆՔ ԼԵՈՆԵՐՈՒՄ»
ՊԱՏՄՎԱԾՔՈՒՄ ԵՎ ՀԵՂԻՆԱԿԱՅԻՆ ՈՃԻ ՅՈՒՐԱՀԱՏԿՈՒԹՅՈՒՆԸ

*Հեղինե Մահակյան
Ժենյա Մատինյան*

Ամփոփում

Հանգուցային բառեր. գրական անեկդոտի ժանր, հայկական ծագում, հայկական ավանդույթներ և իրողություններ, Դովլաթով-պատմող, Դովլաթով-գրող

Ս. Դովլաթովի նորարարությունը դրսևորվել է նրա ստեղծած գրական անեկդոտի ժանրում, որում գրողը վերածվում է պատմողի: Մեծ հետաքրքրություն է առաջացնում նաև հեղինակի յուրահատուկ ոճը:

Հայ մեծ գրող և մտածող Հրանտ Մաթևոսյանի հետ ծանոթության շնորհիվ Ս. Դովլաթովը հետաքրքրվել է հայկական թեմայով: Ս. Դովլաթովի «Մի ժամանակ մենք ապրում էինք լեռներում» ստեղծագործությունը հայերի մասին է, որոնք այս կամ այն պատճառով կորցրել են իրենց սերտ կապը լեռների հետ: Ս. Դովլաթովը սկսեց իրեն բնորոշել որպես մեկ երրորդով հրեա, մեկ երրորդով հայ և մեկ երրորդով ռուս:

Ստեղծագործությանը բնորոշ են հակիրճությունն ու տարողունակությունը: Հեղինակը առօրյա էսքիզներից անցնում է փիլիսոփայական ընդհանրացումների:

Պատմվածքի կոմպոզիցիան շրջանաձև է. Սյուժետային բոլոր մասերը հանգում են սկզբնական և վերջնական արտահայտությանը. «Մի ժամանակ մենք ապրում էինք լեռներում»:

Ս. Դովլաթովը մահացել է 1990 թվականին Նյու Յորքում: Թաղված է հրեական գերեզմանատան հայկական մասում:

THE ARMENIAN THEME IN S. DOVLATOV'S STORY
"ONCE WE LIVED IN THE MOUNTAINS"
AND THE SPECIFICS OF THE AUTHOR'S STYLE

Heghine Saakyan
Zhenya Matinyan

Summary

Key words: *literary anecdote genre, Armenian origin, Armenian traditions and realities, Dovlatov the storyteller, Dovlatov the writer*

The literary anecdote genre that Dovlatov invented, in which the author assumes the role of narrator, is an example of his innovation. The author's distinct writing style is also very interesting.

S. Dovlatov developed an interest in the Armenian topic as a result of his friendship with Hrant Matevosyan, an Armenian writer and philosopher. The novel "Once we lived in the mountains" by S. Dovlatov tells the story of Armenians by blood who, for whatever reason, lost their strong bond with their mountains. S. Dovlatov began to define himself as a third Jew, a third Armenian, and a third Russian.

The story is characterized by its conciseness and capacity. The author begins with a description of daily life before moving on to a philosophical generalization.

The composition of the story is circular: all the plot lines come down to the same – the opening and final phrase: "Once we lived in the mountains."

S. Dovlatov died in 1990 in New York. He was buried in the Armenian part of the Jewish cemetery.